

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш23

ISBN 978-5-7516-1566-6

© Борис Шапиро-Тулин, 2019

© «Текст», 2019

*Моим сыновьям Артему и Денису
с благодарностью за их неоценимую поддержку
во время работы над рукописью,
и с особой признательностью моей жене
(почти по Мандельштаму: «Когда бы не Елена...»)
за то, что, пройдя вместе со мной весь путь
от первой до последней страницы,
она терпеливо помогала мне находить
выход из тупиков, в которые частенько
упирался своенравный сюжет*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

Сюжет этой книги пришел ко мне поздним вечером, когда шепот влюбленных заглушал гроыхание последних трамваев, одинокий бродяга ловил у вентиляционной решетки затихающее дыхание метро, а мигалка «скорой помощи» рассыпала на опустевших улицах синие сигналы тревоги. Именно в это время Сюжет будущей книги поднял меня с постели, усадил в кресло и включил настольную лампу.

2

Если честно — с самого начала этот Сюжет показался мне странным. Особенно странными были его головные уборы. Вначале передо мной прошли куски материи, под которыми спасались от палящего солнца бывшие рабы Египта. Потом эти куски превратились в парики с буклями, перетянутыми сзади черной лентой, потом откуда-то появилась немецкая фуражка с высокой тульей, а вслед за ней шапка-ушанка с болтающимися завязками, берет, белый кружевной платок и маленькая кокетливая шляпка из беличьего меха.

Я не успевал отслеживать все эти изменения, а Сюжет уже начал поражать меня своей одеждой —

7

вначале обтягивающий кафтан и панталоны, застегивающиеся под коленом на блестящую пуговицу, потом детский пиджачок с двумя шлицами по бокам, следом зеленый мундир с погонами штурмбанфюрера, после него обычная сиреневая майка, а за ней сразу брусничного цвета свитер, черные прозрачные колготки и кожаное мужское пальто с длинным модным шарфом.

Я уже не говорю про обувь. Обувь мелькала так, что в памяти остались только остроносые мужские туфли на высоких, по парижской моде, красных каблуках и обычные кирзовые сапоги, начищенные ваксой с резким, вызывающим тошноту запахом.

И тогда я взмолился, потому что эту череду превращений невозможно было осмыслить, а тем более описать. И он — Сюжет новой книги — сжалился надо мной, прекратил свои фокусы с переодеванием и превратился в тяжелую старинную раму, внутри которой вначале не было ничего (и я уже было облегченно вздохнул), но потом появилось ночное небо, которое пришло в движение, а чуть позже из сменяющих друг друга галактик выделился один только Млечный Путь. Приблизившись, он начал вращаться, как вращается пластинка на диске проигрывателя. И тотчас же на фоне его звезд стали возникать какие-то фразы, и зазвучала музыка, а когда она зазвучала, я понял — Сюжет будущей книги обрел наконец свою стройность, потому что без этой музыки не могла бы обозначить себя ни жизнь, ни даже смерть.

Мне захотелось дотронуться до звучащего неба, я протянул к нему руку, и это стало моей ошибкой. Небо, полное звезд, которое издалика казалось таким прочным, не выдержало моего прикосновения, пошло трещинами, а потом, издав звук разбитого стекла, рассыпалось на множество осколков. Каж-

дый из них отражал теперь свой фрагмент из еще не написанного текста, и каждый из них нес внутри себя свою собственную мелодию.

3

Вначале я решил, что это катастрофа. Но потом вспомнил, как археологи, наткнувшись на разбитые глиняные таблички, нумеруют найденные осколки, а затем тщательно подбирают очертания их контуров пока не складывается осмысленный текст, утраченный, казалось бы, навсегда.

Почувствовав себя на время таким же археологом, я обозначил цифрами все фрагменты, составлявшие еще недавно единый Сюжет, осторожно перенес их на письменный стол и принялся искать линии разломов, которые соответствовали друг другу.

Получалось не всегда. Иногда давали знать о себе странные ничем не заполненные пустоты, иногда нарушалась хронология, но как только я пытался выстроить подходящий для нее ход событий, конструкция книги начинала потрескивать и грозила снова развалиться на отдельные части.

4

В конце концов я решил оставить все как есть. Пусть будущий читатель, подумал я, возьмет, если захочет, уже пронумерованные фрагменты, расставит их по собственному усмотрению, и тогда в этой новой вселенной, возможно, проявят себя иные смыслы, нежели те, что я закладывал в свой «канонический» текст.

Последний фрагмент я присоединил к уже собранному, когда через щель в шторах начала просвечиваться тусклая серая полоска, а сосед, живущий надо мной, обреченно протопал на кухню, чтобы принять свое лекарство.

Вскоре проснулись водопроводные трубы, потом по лестнице рассыпалась дробь кокетливых каблучков, под окном раздалось урчание первой машины, а у той, что стояла рядом, сигнализация забилась в привычной утренней истерике.

Полоска света, идущая от окна, порозовела, начала просачиваться в комнату, потянулась к зеркалу, коснулась спинки кровати и подобралась к тумбочке с настольной лампой. Я подошел к окну и раздвинул шторы. По ту сторону слегка запотевшего стекла сгрудились персонажи еще не написанной книги и смотрели на меня кто с жалостью, кто с презрением, а кто с надеждой и даже любовью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СНЫ НАД БЕЗДНОЙ

ФРАГМЕНТ № 1

СОЛНЦЕ САДИЛОСЬ. ОСТАВАЛОСЬ ЗАКРЫТЬ
ГЛАЗА, ВЗДОХНУТЬ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ, И ВСЕ...

И взошел Моисей с равнин Моавитских
на гору Нево, на вершину Фасги...

Второзаконие, 34, 1

И сказал Господь Моисею: вот, дни твои
приблизились к смерти...

Второзаконие, 31, 14

1

Солнце садилось. Оставалось закрыть глаза, вздохнуть последний раз, и все. Моисей перейдет черту, за которой возврата в этот мир уже не будет. Никогда.

Моисей медлил. Можно было, конечно, это сделать сразу, как только он остался один на вершине горы Нево. Можно было, но решимость в последний момент покинула его. Он стоял между небом и землей, между жизнью и смертью, а еще между самим собой, каким он был в эти мгновения, и тем, кем он станет, перейдя последнюю черту, то есть никем — бесконечной пустотой, в которой нет ни проблеска света, ни малейшего движения.

Почему-то ему пришла в голову мысль о пуповине, которую перерезают, чтобы тот, кто только что родился, окончательно вошел в этот мир. Оказалось для того, чтобы теперь его покинуть, надо тоже перерезать своеобразную пуповину. Но если первая была окровавленным кусочком теплой человеческой плоти, то эта, последняя, была незримой, но зато сотканной из множества нитей, связывающих стоящего у ро-

ковой черты с миром, который он теперь покидал. И эти нити тоже кровоточили, только кровь их была не видна, она просто переполняла душу невыразимой тоской.

Вот сейчас, сейчас он пересилит себя, закроет глаза, вздохнет последний раз, и все. Сейчас этот мир исчезнет, и вместе с ним растворится в бесконечной пустоте его память, его надежды, его мысли. Образы, которые переполняют его, поглотит беспросветная чернота. Слова его, наполненные гневом или любовью, слова, адресованные женщине, или ребенку, или всем оставшимся внизу соплеменникам, никто уже не услышит, их просто не будет, этих слов.

А еще не будет неба, по которому стремительно перемещаются облака. Не будет ветра, несущего ароматы сирени, распустившейся в многочисленных палисадниках по ту сторону реки Березины, не будет ни весенних яблонь, ни застенчивых фиалок, ни заливных лугов, которые, несмотря на подступающие сумерки, выглядели так привлекательно и так торжественно, что хотелось прикоснуться к ним ладонью, щекой или даже всем телом, распластавшись на их бархатистой зелени.

Всевышний распорядился так, что Моисею оставалось только следить за игрой вечерних теней, отбрасываемых деревьями на том берегу. Только следить, не помышляя даже кончиком мизинца дотронуться до призывно влекущей к себе земли. И этот запрет был страшен, ибо за ним стояла смерть. Смерть Моисея. Его смерть.

Он смотрел с вершины горы Нево на ставшую для него недоступной Землю обетованную, на нагромождение заборов, телеграфных столбов, на антенны, проросшие сквозь крыши домов, на асфальт и булыжник, на заводские корпуса и чадящие автомобили, на портных, сапожников, кровельщиков, работяг в промасленных робах, музыкантов с тон-

кими пальцами, торговков, подслеповатых стариков и, конечно, женщин со стремительной походкой и с вызовом в глазах. Он смотрел на все это и думал о том, как странно распорядился Тот, кто управлял его судьбой. Эта точка, где сейчас находился Моисей, была одновременно точкой перехода в мир иной для него самого и в то же время точкой перехода в новую жизнь для соплеменников, оставшихся там внизу, и ничего не знающих ни о реке Березине, ни о благословенном Бобруйске. Им еще предстояло прийти туда, чтобы обрести будущее. Ему предстояло уйти, чтобы навсегда остаться в прошлом.

Его народ — мужественный и вздорный, здраво-мыслящий и сварливый, готовый к жертвам и ноющий по пустыкам — его народ, который он вывел из египетского рабства, отныне обойдется уже без его помощи. Его народ вступит в Город обетованный, а он, который так страстно этого желал, который свою жизнь выстроил только лишь для этой единственной цели, был волей Всевышнего устранен от ее триумфального завершения.

2

Накануне он долго прощался с теми, кого долгие годы водил по пустыне. Они рыдали, расставаясь с ним, и, похоже, слезы эти были искренними, хотя бесконечные сорок лет он старался держаться жестко, милуя и карая, но чаще все-таки карая. И они, в свою очередь, тайно роптали или же открыто выступали против. Не было любви между ними. Да и как можно любить того, кто требовал беспрекословного, без каких-либо скидок на обстоятельства, исполнения каждой буквы Божественного предначертания.

Но когда огромная масса людей не смогла сдерживать слезы перед последними минутами его ухо-

да, когда горестный вопль, не утихая, заполнил все окрестное пространство, сердце его дрогнуло в бесконечной любви ко всем и каждому, кто склонился перед ним в скорбной молитве.

3

Из-под камня на самой вершине горы Нево высунула на мгновение мордочку любопытная ящерица и, видимо оценив необычность момента, стремглав юркнула вниз. Моисей посмотрел ей вслед и вдруг ощутил, как подобно этой ящерице куда-то вниз срываются невидимые глазу наглухо застегнутые доспехи воителя и вождя, доспехи, которые, не снимая, носил он все эти долгие сорок лет.

Он почувствовал неожиданно необыкновенную легкость, как в детстве, когда незачем было думать и беспокоиться о себе, потому что думали и беспокоились о тебе другие. И, почувствовав это, он ощутил переполнившее его желание жить. Жить во что бы то ни стало, жить в Благословенном Городе, позволяя себе, как простому смертному, смеяться, плакать, любить и ненавидеть, жить, затерявшись между его домов и домишек, между ночных фонарей и утренних голосов, раствориться среди мерцания его окон и магазинных витрин, среди слез и любовных вскриков, среди весенних запахов сирени и, конечно, среди его осени, среди запаха влажной земли и пожухлых листьев. И от того, что желание это было не просто невыполнимо, но невыполнимо абсолютно, Моисею оставалось только закрыть глаза, вздохнуть в последний раз, и все.

Совсем все.

Теперь уже навсегда.

P.S.

Продолжение следует.